

Н. Н. Брешко-Брешковский

ДЕМОН ПУСТЫНИ

Москва

Издательский проект ЧтецЪ

2018

Брешко-Брешковский, Н. Н.

Демон пустыни : роман. М. : Издательский проект
ЧтецЪ, 2018. — 168 с.

Издательский проект ЧтецЪ — это издание малотиражных, давно забытых и редких книг русского зарубежья. Проект предназначен специалистам по литературе и истории русской эмиграции, а также ценителям редкой книги. По любым вопросам, связанным с изданием и распространением книг обращайтесь по электронной почте: order@4tets.ru.

© ЧтецЪ, 2018.

Н. Н. Брешко-Брешковскій

Демонъ Пустыни

РОМАНЪ

ИЗДАНИЕ М. ДИДКОВСКАГО — РИГА

"..... ЗДЕСЬ НЕТ НИКАКИХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЗАКОНОВ, ХОТЯ НЕТ, ЗДЕСЬ ЕСТЬ ОДИН ЗАКОН. ЭТО ЗАКОН ПУСТЫНИ — ПРАВО СИЛЬНОГО! И ВОТ ПО ПРАВУ СИЛЬНОГО Я МОГУ СДЕЛАТЬ С ТОБОЙ ВСЕ, ЧТО ЗАХОЧУ. ТЫ МОЯ РАБА, ВЕЩЬ, ВЕЩЬ, КОТОРУЮ Я МОГУ И ПОСТАВИТЬ НА ВИДНОЕ МЕСТО, И СЛОМАТЬ И ВЫБРОСИТЬ.

Издательство

NOVOE DELO

1968

1.

Это было въ Неаполѣ въ яркій, солнечный день. Было тамъ, гдѣ, вообще, чуть не круглый годъ сверкаетъ и горитъ солнце.

Пинедо стоялъ, опершись о гранитный парапетъ набережной и смотрѣлъ туда, гдѣ за нѣжною бирюзовой гладью залива поднимался Везувій, съ верхушкою, чуть-чуть дымящеюся, какъ позабытый алтарь давнымъ-давно вымершихъ титановъ.

Американцы переплываютъ океанъ, чтобы, стоя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ Пинедо, похищаться и Везувіемъ и хаосамъ бѣлыхъ домиковъ живописнаго Сорренто.

Американцамъ обходилось это очень дорого Пинедо же не стоило ни одного чинтезима. Но вся бѣда въ томъ, что Пинедо совсѣмъ не былъ въ настроеніи любоваться даже такимъ очаровательнымъ ландшафтомъ, какой являлъ собою Неаполитанскій заливъ.

Пинедо всего два дня, какъ вышелъ изъ госпиталя, пролежавъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ножевой раны, полученной въ циркѣ Прозерпи.

Двое сутокъ. Двое сутокъ безъ крова и пищи. Безъ крова — это еще ничего-бы! Дни благодатные, теплые, ночи то-же самое и можно выспаться гдѣ-нибудь въ порту, среди пакгаузовъ, только-бы не увидѣли карабинеры.

А вотъ безъ пищи, — это значительно хуже. Тѣмъ болѣе, не окрѣпшій еще организмъ, хотя и могучій организмъ атлета-борца, требовалъ усиленнаго питанія.

А заработать, хотя-бы и пять лиръ какихъ-нибудь, — нечего и мечтать. Все переполнено, все

перегружено ищущими¹ труда и дѣла руками. Въ порту десять носильщиковъ предлагаютъ себя, свои мускулы, свою спину, а берутъ — одного.

Пинедо-же на несчастье не зналъ ничего, кромѣ своего ремесла, ремесла человѣка арены. Онъ умѣлъ бороться французской, американской, и турецкой борьбою, умѣлъ носить на себѣ живую пирамиду изъ семи человѣкъ, умѣлъ подбросить и поймать своею широкой грудью желѣзную гирию, въ пятьдесятъ кило вѣсомъ, умѣлъ еще многое, чего не умѣютъ простые смертные, но что въ данное время, за отсутствіемъ въ городѣ цирка, или даже балагана какого-нибудь, не могло принести ему ни одной лиры.

Да и кромѣ того, даже для такой работы Пинедо еще добрый мѣсяцъ нуждался-бы въ отдыхѣ и въ питаніи до-сыта.

Оставалось одно, чтобы не свалиться окончательно отъ истощенія и голода, — это ходить съ протянутой рукой. Авось перепадетъ что-нибудь отъ людей сердобольныхъ.

Перепадетъ-ли? Теперь, послѣ войны другое время настадо. Да и люди измѣнились. Сердобольныхъ почти нѣтъ, все жесткіе, думающіе о себѣ, съ очерствѣвшимъ сердцемъ...

Но и кромѣ того — стыдно, мучительно стыдно просить... Вѣдь, никто не выслушаетъ, не пожелаетъ выслушать. Всякій подумаетъ: „лѣнтяй, лежебокъ, тунеядецъ“.

Въ этомъ Пинедо убѣдился при первой своей попыткѣ.

Собравшись съ духомъ, съ трудомъ отдѣлившись отъ парашюта, онъ сдѣлалъ нерѣшительный шагъ навстрѣчу солидно одѣтому, полному господину. Увы, тотъ ему даже рта не далъ открыть, смѣривъ съ головы до ногъ уничтожающимъ взглядомъ.

— Стыдитесь попрошайничать! Этакая здоровенная дубина бездѣльничаетъ съ протянутой рукою вмѣсто того, чтобы работать...

Если-бы онъ зналъ, что эта „здоровенная дубина“ еле на ногахъ держится и внутри отъ голода скребутъ тысячи кошекъ.

Густо покраснѣвъ и отъ униженія и отъ злобы, Пинедо замеръ на мѣстѣ, а солидный господинъ ускорилъ шаги.

Новая попытка, новая неудача. На этотъ разъ — почтенная дама. Она даже не посовѣтовала „работать“, а молча, съ презрительной grimасой, отвернулась.

Потоптавшись еще полчаса, Пинедо почувствовалъ легкое головокруженіе, въ глазахъ потемнѣло и сначала медленно, потомъ все скорѣй и скорѣй поплыли какіе-то круги...

Вдругъ онъ, какъ въ туманѣ, увидѣлъ передъ собою молодого изящнаго кавалерійскаго офицера и знакомымъ, удивительно знакомымъ почудилось его тонкое, породистое лицо, бритое, съ подстриженными черными усами.

Офицеръ съ недоумѣніемъ всматриваясь нѣсколько секундъ въ блѣднаго „больничною блѣдностью“, заросшаго густою щетиною человѣка, въ потертомъ пиджакѣ, съ поднятымъ воротникомъ, безъ всякихъ признаковъ бѣлья, спросилъ далеко не увѣреннымъ голосомъ:

— Это вы... Пинедо?

— Я... а развѣ... развѣ, синьоре капитано...

Вглядѣвшись, Пинедо узналъ офицера. Это герцогъ Санъ-Феличе. Онъ ежедневно посѣщалъ циркъ и былъ равнодушенъ къ Дина-Белла, „наѣздицу высшей школы“. Да, это онъ герцогъ... Нѣтъ никакого сомнѣнія,

— Бѣдняга, Пинедо... Вамъ плохо живется? Съ того самаго вечера, я васъ потерялъ изъ виду... Меня долго не было въ Неаполь, я только на-дняхъ вернулся... Этотъ негодяй Кастаньяро...

— Этотъ негодяй Кастаньяро чуть не отправилъ меня на тотъ свѣтъ, — подхватилъ Пинедо. — Я провалялся въ госпиталѣ около четырехъ мѣсцевъ и, какъ видитъ герцогъ, очутился на

улицѣ. — Пинедо попробоваль улыбнуться, но улыбка вышла горькая. Кавалеристъ покачалъ головой.

— Что-же вы намѣрены дѣлать? Хотя — это глупый и праздный вопросъ. Что намѣрень дѣлать человекъ въ вашемъ положеніи? Безъ пристанища и безъ единого чинтезима въ карманѣ?..

— Вы угадали, герцогъ... Вторые сутки я безъ самой поганой крыши надъ головою и безъ крошки хлѣба во рту.

— Я позабочусь, чтобы у васъ было и то и другое.

Растроганный Пинедо не находилъ словъ, но и выраженіе и его лица и его глазъ были красно-рѣчивѣ всякой словесной признательности...

Онъ только немного спустя прибавилъ:

— Если-бъ герцогъ нашелъ мнѣ хоть какое-нибудь занятіе. Я готовъ пойти на самую черную тяжелую работу... Готовъ...

— Работа уже есть... она не будетъ ни тяжелой, ни черной, хотя это зависитъ, конечно, отъ вкуса... Но прежде чѣмъ говорить объ ней, вамъ надо подкрѣпить силы... Это мы сейчасъ сдѣлаемъ. Въ двухъ шагахъ отсюда плавучій ресторанъ, гдѣ вы пообѣдаете, а я выпью стаканъ вина за ваше свѣтлое будущее...

2. Потомокъ владѣтельныхъ герцоговъ и бездомный атлетъ.

Плавучій ресторанъ носилъ вполнѣ морское названіе—„Неттуно“, хотя, на самомъ дѣлѣ, вовсе не былъ плавучимъ. Онъ солидно покоился на вбитыхъ въ морское дно сваяхъ и къ нему велъ съ берега узенькій мостикъ метровъ въ двадцать длиною.

„Неттуно“ считался если и не первокласснымъ рестораномъ, то, во всякомъ случаѣ, посѣщался такъ называемой „приличной публикой“. Поэтому и лакеи и немногіе посѣтители,—немногіе, такъ какъ обѣденное время миновало уже — удивились появленію блестящаго офицера съ именемъ герцога Санъ-Феличе, котораго зналъ весь Неаполь,—въ обществѣ подозрительнаго субъекта, если и не съ большой дороги, то все-же едва ли не оборванца.

Чтобы не стѣснять своего спутника Санъ-Феличе занялъ укромный столикъ въ углу, отдѣленномъ перегородками и напоминающемъ ложу.

— Я не предлагаю сѣсть на открытой верандѣ. Хотя тамъ чудесный видъ на море и на Везувій, но мнѣ кажется, Пинедо, вамъ сейчасъ не до красоты природы...

— О, да!.. Герцогъ правъ! Если-бы изъ моря сейчасъ поднялись цѣлые десятки такихъ вулкановъ, какъ Везувій, я не обратилъ-бы ни малѣйшаго вниманія...

— Совѣтую, однако, обратить его на обѣденное меню. Хотя, нѣтъ, послѣдуйте опыту чело-вѣка, нѣсколько дней голодавашаго въ пустынѣ во время Триполитанской войны... Послѣ продолжительной діеты не слѣдуетъ набрасываться вообще на пищу, а на тяжелую, трудно переваривае-

мую пищу—въ частности... Поэтому, рекомендую омлетъ изъ десяти яицъ и развѣ еще кусокъ мягкаго филейнаго мяса съ кровью. Это вполне восстановитъ ваши силы и не повредитъ...

Пинедо послѣдовалъ доброму совѣту и черезъ полъ-часа, уже сильный, съ пріятнымъ по всему тѣлу разлившимся тепломъ, испытываю самое благодушное настроеніе, какое только можетъ быть на бѣломъ свѣтѣ...

И вино выбралъ герцогъ живительное, бодрящее и физически и духовно. Это была переливавшая жидкимъ рубиномъ, бутылка старой чудесной марсалы, густой ароматной и крѣпкой.

Когда этотъ жидкій рубинъ заискрился въ бокалахъ, герцогъ, слѣдуя своему обѣщанію, чокнулся съ Пинедо...

— Желая вамъ всего, всего наилучшаго... Пусть эти ужасные мѣсяцы сгинуть для васъ, какъ дурной сонъ и да пошлетъ вамъ Господь Богъ здоровья, счастья и радостей...

И опять, какъ и тамъ у парапета набережной, Пинедо, безконечно растроганный не могъ ничего отвѣтить... Лучшимъ его отвѣтомъ были — расплескавшійся въ задрожавшей рукѣ бокаль и заблестѣвшія на рѣсницахъ слезы...

Съ нѣжностью и глубокимъ участіемъ смотрѣлъ на него молодой, вѣрнѣе моложавый для своихъ тридцати шести лѣтъ офицеръ. Пинедо и самъ по себѣ былъ симпатиченъ ему и, кромѣ того, былъ близокъ, какъ воспоминаніе о той, прекрасной дѣвушкѣ, чей образъ носилъ въ сердцѣ своемъ Санъ-Феличе. Развѣ не онъ, Пинедо, получилъ ударъ ножомъ вступившись за Дину-Белла, заступившись благородно и чисто, какъ братъ.

И заканчивая вслухъ свою мысль, Санъ-Феличе сказалъ:

— Пинедо, я вашъ вѣчный должникъ... Если-бъ тогда, въ тѣ дни долгъ службы не заставилъ меня экстренно уѣхать изъ Неаполя, повѣрьте, я не оставилъ-бы васъ на произволъ судьбы...